

Библиотека Классической Литературы

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

Государь
История Флоренции

Перевод с итальянского

Москва 2015

УДК 1(091)(450)
ББК 87.3(4Ита)
М15

Предисловие *Л. Сумм*

Перевод с итальянского *Г. Муравьевой, Н. Рыковой*

Комментарии *М. Андреева, В. Рутенбурга*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников *Анджело Бронзино, Джузеппе Дзокки* и *Альбрехта Дюрера*

Серия «100 главных книг»

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована репродукция портрета Никколо Макиавелли художника Санти ди Тито

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление *И. Саукова*

Макиавелли, Никколо.

М15 Государь / Никколо Макиавелли ; [пер. с ит. Г. Д. Муравьевой, Н. Я. Рыковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 640 с.

ISBN 978-5-699-81686-6 (100 ГК)

ISBN 978-5-699-76303-0 (ШМК)

ISBN 978-5-699-76550-8 (БВЛ)

Сочинение итальянского писателя и дипломата, учебник и руководство к действию для правителей всех времен и народов на протяжении вот уже пятисот лет — трактат Никколо Макиавелли «Государь» оказался настолько крамольным, что в церковной среде утверждалось, будто бы он написан рукой Сатаны, и сразу несколько епископов католической церкви добились его включения в «Индекс запрещенных книг» в 1559 году.

«История Флоренции» — история города-государства от зарождения итальянской средневековой цивилизации до конца XV века, выдающаяся книга в новой историографии и яркий образец политической мысли. Макиавелли удивительно красочно воссоздает исторические события, а драматизм повествования, выразительные монологи и ощущение реальности позволяют считать автора одним из создателей итальянской художественной прозы.

УДК 1(091)(450)

ББК 87.3(4Ита)

© Л. Сумм, предисловие, 2015

© Г. Муравьева, перевод, 2015

© Н. Рыкова, перевод. Наследники, 2015

© М. Андреев, комментарии, 2015

© В. Рутенбург, комментарии. Наследники, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81686-6 (100 ГК)

ISBN 978-5-699-76303-0 (ШМК)

ISBN 978-5-699-76550-8 (БВЛ)

Содержание

Секретарь республики

Л. Сумм

7

ГОСУДАРЬ

Перевод Г. Муравьевой

29

ИСТОРИЯ ФЛОРЕНЦИИ

Перевод Н. Рыковой

111

КОММЕНТАРИИ

М. Андреева, В. Рутенбурга

579

Даты жизни Никколо Макиавелли (1469–1527) накрепко впяты в историю Флоренции. Он родился в тот год, когда к власти пришел Лоренцо Великолепный, а умер через месяц после переворота, в очередной раз лишившего Медичи власти. Точно посередине его жизнь разделена 1498 годом, когда после первого изгнания Медичи и трехлетнего правления Савонаролы была восстановлена республика. Именно тогда, в двадцать девять лет, Макиавелли становится государственным деятелем среднего, скажем так, ранга — «вторым канцлером», «секретарем второй канцелярии», то есть докладчиком министерства иностранных дел и помощником полномочных послов. Начинается активная политическая жизнь, давшая материал и для дипломатической переписки, и для исторических обобщений, которыми скреплены комментарии к Титу Ливию и «История Флоренции», и, разумеется, для той политической философии, которая обессмертила имя Макиавелли — «наставника тиранов». Вторая половина жизни опять-таки делится надвое: в 1512 году республика потерпела поражение, вскоре Медичи вернулись, и после четырнадцати с половиной лет государственного служения наступают четырнадцать с половиной лет ссылки, политического бездействия, литературного творчества. Тогда-то и написаны «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции», «Государь», комедии, сказка «Бельфагор», стихи и поэмы.

Совпадения личных дат «отца современной историософии» с историческим временем не случайны: его жизнь пришлась на ту судьбоносную пору, когда на века решалась дальнейшая участь Флоренции, Тосканы, да и всей Италии. Может быть, последующие тираны или просто великие люди учились теории у Макиавелли, но сам он историю «проходил» отнюдь не

по трактатам или учебникам. При любви эпохи к симметрии и символике пропорциональные отрезки обнаруживались и в других биографиях: вся Италия жила «в интересные времена», почти каждый год становился историческим в самом тяжком смысле слова — годом чумы, войны, переворота. Но если большинство населения покорно сносило тяготы «интересных времен», для нескольких сотен человек, обладавших полнотой гражданских прав, эти времена были интересны и без иронии. Макиавелли принадлежал к числу немногих, не только «переживавших», но и творивших историю. В те четырнадцать лет, когда «второй секретарь» служил Республике, казалось, что после всех проб и ошибок — принципата Медичи, теократии Савонаролы, попыток союза с папой, империей, французами — укрепитя независимая Флоренция, балансирующая между крупными государствами Италии и внешними силами, сохраняющая самостоятельность, а в перспективе объединяющая вокруг себя Италию. Не получилось. Но ведь были, были эти краткие, невероятно насыщенные годы, пора экспериментов, катастроф, самообольщений.

Макиавелли повезло вдвойне — кроме активной политической жизни ему досталась равная доля жизни созерцательной, теоретической. Он не погиб, как большинство протагонистов, вместе со своей эпохой. Ему был дан еще немалый срок, дабы осмыслить, сделать «своим временем» суровый «исторический период». И эта наука — вписывать частное время в общее, а общее, колющее, отчужденное, делать своим — едва ли не важнее для нас, чем наука государей. Что нам до сильных мира сего? Все мы живем «не в свое время», в единственное и неповторимое время своей жизни.

«История Флоренции» задумана как акт примирения. Жест доброй воли со стороны кардинала Медичи — поручить государственную историю отстраненному от дел секретарю второй канцелярии, живущему под надзором в своем поместье. Жест доброй воли со стороны Макиавелли — принять поручение. Некая внутренняя задача ясна обоим: Джулио Медичи, как большинство представителей этого рода, умел распознать талант и ждал от историографа высшего проявления особого дара, умения превращать частное время в общее и осмыслять «свое время». В общем прошлом для них обоих — и для члена правящей династии и для опального чиновника — в прошлом до переворотов, изгнаний, смут есть некий основополагающий миф: их детство, эпоха Лоренцо Великолепного.

Детство, куда корнями уходят идеалы, разочарования, душевные надломы, — о влиянии ранних впечатлений на искусство и гражданскую позицию итальянское Возрождение догадалось задолго до Фрейда. Творцы той эпохи составляли воспоминания о своем детстве и даже младенчестве, отыскивали себя, свою формирующуюся, пластичную, неповторимую личность в обстоятельствах, заданных обществом и семьей. Не отсюда ли обострившееся желание писать и переписывать историю, словно поэму, которая может быть выправлена рукой мастера?

Макиавелли приучил нас интересоваться «происхождением» той или иной исторической ситуации, и чтобы воздать должное его «Истории Флоренции», мы должны заняться ее происхождением, начиная с детства обоих заинтересованных лиц, Макиавелли и Медичи. Их семьи занимали разное положение; характеры мальчиков — та призма, через которую воспринимались первые впечатления, — не схожи. Эти отличия нужно учесть, отыскивая точки сближения.

Детство Джулио Медичи тоже пришлось на «интересные времена», и, может быть, мальчик, подросток из правящей семьи воспринимал эпоху даже острее, чем будущий историк, — молния поражает высокие дубы, история прямой наводкой била в родных Джулио. Он не знал отца: Джульяно, младший брат Лоренцо Великолепного, погиб в тот год, когда Джулио появился на свет. Убить пытались обоих Медичи, но Лоренцо, раненный в шею, спасся. Такова семейная история Джулио — ее он мог знать только по рассказам родных.

Никколо Макиавелли, которому в тот год сравнялось девять лет, что-то мог видеть своими глазами и жадно, почти понимая, прислушивался к недомолвкам взрослых: заговор, коварные удары, нанесенные в церкви, повешенные, выброшенные из окон тела убийц и сообщников (среди которых был епископ)... История делается грязными руками — этот урок Никколо усвоил.

Урок Джулио, возможно, был несколько иным. Внебрачный отпрыск красивого и всеми любимого Джульяно узнал, что такое семейная солидарность. Детство прошло в роскоши «старого дворца», Лоренцо ради памяти брата ласкал сироту. У Лоренцо подрастало три сына; старший, Пьеро, — наследник его власти во Флоренции; среднего, Джованни, отец ухитрился в четырнадцать лет сделать кардиналом. Лоренцо укреплял династию союзом с церковью и для церковной карьеры с малолетства предназначил также и племянника. Не слишком удачное решение — Джулио и по живости характера, и по любви к родному городу предпочел бы светский путь. Однако спорить Джулио Медичи не стал — как и Никколо Макиавелли, он готов

был служить на вторых ролях, лишь бы служить Флоренции. В этом — главная особенность их поколения: Леонардо, на пару десятилетий старше, мог жить и в Милане, и при дворе французского короля, заклятого врага Флоренции, но Макиавелли с его универсальной политической теорией, Медичи с их кардинальскими и папскими митрами и даже великий художник Микеланджело по-настоящему «видели» только Флоренцию. Об это неизбежное, на детской памяти замешанное «местничество» разбивались самые стройные идеалы.

В предисловии Макиавелли заявляет, что период до 1434 года, до основания династии Медичи в лице Козимо Старого — деда Лоренцо, уже был описан двумя хорошими историографами, Леонардо Аретино и мессером Поджо, которые, однако, сосредоточились на войнах и внешних событиях. Вот почему он вынужден в первых трех книгах из восьми заново излагать начала городской истории с упором на партийные разногласия и семейные междоусобицы. Упор на «внутреннее» замечен и в следующих книгах, где уже нет необходимости размежеваться с предшественниками. Политик, мечтавший о преобразовании, объединении всей Италии, уходит в подробности мелких дрязг внутри одной области, города, и совершенно очевидно, что это ему интереснее и важнее всего. Всемирно-исторические события выпускаются (об одном таком событии, Флорентийском соборе, унии Западной и Восточной Церквей, нам предстоит поговорить), описываются семейные распри. При чтении «Истории Флоренции» порой ловишь себя на мысли: до чего же автор тонет в деталях! И это человек, виртуозно раскрывавший взаимосвязь событий, проникавший в сущность явлений? Даже у выросших детей семейные конфликты и примирения порой затмевают все прочие воспоминания, и Никколо Макиавелли рассказывает историю Флоренции, словно историю своей непростой семьи. Эмоционально, физиологически он ощущает свой город так же, как Джулио Медичи.

Из неразменной тяжести повседневных мелочей и вырастает миф о золотом веке Флоренции. Время Лоренцо подходило для такого обожествления: в ту пору ценился не столько талант, сколько многогранность характера, словцо, жест. Прозвище «Великолепный» Лоренцо носил не зря. Хотя правление его длилось менее четверти века, правитель успел превратиться в легенду. Страстный поклонник искусства и науки, поэт (по большей части, непристойный), тонкий ценитель античности, бражник и бабник, язычник, пытавшийся перед смертью исповедоваться «настоящему» священнику и умерший без отпущения грехов. Вероятно, оба мальчика, Никколо Макиавелли

и Джулио Медичи, воспринимали его как мифического родоначальника. С ним связано процветание государства, при нем нарождается новый флорентиец — образованный, успешный, циничный, умело пользующийся слабостями и людей, и бога. Никколо тоже — «племянник» Лоренцо, с таким же ощущением своего права и причастности к государству. И эта причастность и государственность мифологизируются именно потому, что уходят корнями в детство.

Мифологизация не всегда исключает скептицизм, иной раз даже ему способствует. Рисуя величественный образ, Макиавелли ухитрится заронить в нас искру сомнения: то ли ненадолго это величие, то ли сыщется в нем какой-то изъян, то ли неуютно в его тени. Никколо — тот самый мальчик, что всегда крикнет из толпы сакраментальное: «А король-то голый!» Но он, по крайней мере, понимает, что не будь король королем, никого бы не заинтриговала его нагота. Нагота короля — еще один миф, что идет на смену вере в монархию. Миф о ниспровержении мифов, самый опасный, самый соблазнительный. Разоблачитель презирует веру других людей, но верит в свои разоблачения. Так начинается наука историография.

Наш Никколо принадлежит к числу тех угрюмых людей, что даже о своем вполне благополучном и многообещающем детстве отзываются с кислинкой. В его кратких воспоминаниях педантируется бедность и незначительность семейства Макиавелли. Действительно, по сравнению с международными банкирскими домами Медичи или Барди Макиавелли бедны. Влияние их в государстве незначительно, в культурных кругах они тоже не блистали. Тем не менее это дворянская семья со своим гербом — на серебряном поле голубой крест с гвоздями по углам. «Гвоздь», а точнее «злой гвоздь» (*mal chiavello*), дал прозвание этому роду. *Mal*, «злой», не предполагает негативной оценки: этот корень встречается во многих итальянских фамилиях и означает силу, опасную для врагов.

В XV веке у семьи оставались небольшие имения, платившие кое-какой оброк. Другое дело, что доход от сельского хозяйства был невелик, и сколько-нибудь амбициозные сеньоры давно переселялись в город, превращаясь из нобилей в граждан — пополанов. Такой путь выбрала и семья Макиавелли, уже с XIII века отметившаяся в хрониках: в распрях между гвельфами — сторонниками папы и гибеллинами, стоявшими за императора, Макиавелли приняли сторону гвельфов.

Они занимали различные должности, в том числе высшую — «гонфалоньера справедливости», однако в республике гонфалоньеры сменялись каждые два месяца, так что говорить о преимуществе рода Макиавелли не приходится. Хотя это, разумеется, с какой стороны посмотреть. Подавляющее большинство сельского населения вообще не имело права голоса, да и многих других прав, и среди горожан далеко не все участвовали в политической жизни. Макиавелли входили в число нескольких сот избранных, то есть избиравших и избираемых, причастных управлению государством. Когда в игру вступил крупный капитал и разветвленные связи, политика сделалась уделом еще более узкого круга. Существенные должности занимали ставленники Медичи, в руках главы этого рода сосредотачивались все важнейшие внутренние и внешние дела Флоренции, а влияние остальных флорентийцев уменьшилось, однако семейство Макиавелли отнюдь не находилось в опале или нищете. Достаток у них был, по меркам феодалов или банкиров, скромный, но для рядового горожанина 110 флоринов годового дохода (согласно переписи 1498 года) — богатство. Немалой привилегией в ту эпоху было и образование, а тем более интеллигентная профессия — отец Никколо был юристом.

Небольшие имения в Сант-Андреа, Фонталле и под городком Сан-Кашьяно поставляли зерно, виноград и оливковое масло к столу синьора. В доме были книги — юридическая литература, римские классики и переведенные на латынь греки. Бернардо, отец Никколо, высоко ценил философов-моралистов, а также историков. Естественно, и дома, и в школе читали великого флорентийца Данте, хотя в зрелую пору Никколо явно отдавал предпочтение другому флорентийцу — Петрарке. Не чужда поэзии была и мать, донна Бартоломеа: она сочиняла церковные гимны и песнопения. Скорее поэтическое, нежели религиозное творчество — в полном соответствии с духом эпохи, о божестве вспоминали гораздо реже, чем о философах и поэтах.

С семи лет мальчик изучал латынь, посещал городскую школу, где читал римских классиков, занимался с частным учителем математикой, в латыни дошел до стилистики, то есть до «аттестата зрелости». Изучал он и музыку, так что его образование вполне соответствует тогдашним стандартам.

Однако не в характере Макиавелли быть благодарным за то, что он получил, или сравнивать свои преимущества со жребием десятков тысяч менее счастливых людей. Этот государственный был в высшей степени приватным человеком и обостренно ощущал самого себя, свою избранность, неоцененность, недоданность. Полноправное общественное положение, недвижи-

мое имущество и достойная профессия отца, сытная еда в доме и капиталец на черный день, книги, образование — всему этому Никколо подводит мрачный итог: «Я родился бедным и скорее мог познать жизнь, полную лишений, чем развлечений».

Был ли он уязвлен тем, что его не отправили в университет? И почему семья приняла такое решение? Чаше всего предполагают, что на учебу не хватило средств, но это больше похоже на отговорку. В университетах Италии учились и владетельные князья, и бродяги, не имевшие за душой ничего, кроме жажды знаний. Баснословных денег образование не стоило, к тому же флорентийский Студيو едва ли не целиком содержался на деньги Лоренцо Медичи, и его молодой земляк мог рассчитывать на поддержку. Возможно, предлагаемое университетом профессиональное образование показалось не таким уж качественным, и Бернардо решил сам обучить сына. Диплом иметь необязательно, если юноша не собирается заниматься частной практикой — довольно и того, что Никколо вел дела семьи, общался с влиятельными людьми и в итоге выбрал дипломатическую карьеру. Юридические знания Макиавелли, из первых рук, «домашним» способом полученные, совершенно очевидны. С другой стороны, читающего мальчика университет мог бы привлечь как раз непрактичной своей стороной. Флорентийский Студيو в ту пору бурно обновлялся, превращаясь в подобие платоновской Академии, там царили философы, поэты, исследователи античности, филологи, вписавшие свои имена в историю итальянской и мировой культуры.

Хотел ли молодой Никколо оказаться среди них? Чувствовал ли себя ровней этим светочам? Ответ опять выйдет двойственным, как все у Макиавелли. Не в его характере чувствовать себя ровней кому бы то ни было. Одинокий, много читавший, имевший обо всем собственное мнение, он ставил себя выше людей, живших старыми мифами, не способных, как он полагал, к критическому суждению, и все же завидовал им, уязвленный материальной нищетой и духовным убожеством — не знал греческого, не постигал тонкости модной в ту пору античной философии. В формальном образовании есть несомненные преимущества, особенно для одаренной и непростой души — оно приучает к равенству. Для Никколо оставались лишь обходные пути, и он взял свое, сделавшись не юристом, но политиком, не переводчиком, но комментатором Тита Ливия, не творцом истории, но автором «Истории». Так или иначе, с детства привыкший жить «из себя», жить книгами, а не общением с людьми, взмывая в высокомерии и сникая, он строил некий

параллельный мир, то есть мир более мифический, чем все им разоблаченные мифы.

Любовь к Петрарке о многом говорит: сходство темпераментов, склонностей, представлений о мире и своей роли в нем настолько разительно, что призадумаясь, не переселилась ли в Никколо душа Франческо, тем более что и Петрарка был сыном флорентийского нотариуса. Ему денег на изучение права хватило, однако Петрарка-старший отправил сына в университет не без ссоры. Первой страницей в историю Возрождения вписана драматическая сцена: отец в гневе чуть ли не в огонь швыряет «римлян» (а книги-то еще рукописные, на дворе занимается XIV век!), Франческо спасает их, обливаясь слезами, прижимает к груди возлюбленных Вергилия с Цицероном. Это — школьные авторы, их следовало оставить в детской, снаряжая за высшим, профессиональным образованием. С «вечного дитяти», Петрарки, начинается гуманизм, культ античности и свободно развивающегося человека, но и культ ребенка. Уклонение от взрослой жизни, от профессии, погружение в «свой» выбор — как знакомо это Макиавелли! В довершение сходства: нежный поэт воображал себя политиком, переписывался с папами, императором и прочими иностранными и местными государями, ревнуя о восстановлении Италии (то в форме республики, то в качестве империи); великий дипломат писал стихи, стал автором одной из первых итальянских комедий и первой литературной сказки и чрезвычайно обижался на Ариосто, забывшего про него в рейтинге современных творцов. Дилетантизм как способ раскрыть свою многогранность, детская всесторонняя, еще не определившаяся гениальность — великие обещания, чувство исключительности и все обиды, вытекающие из этого чувства.

Поэты шли в политику, а дипломаты воображали себя поэтами — неудивительно, что в Италии политика сделалась искусством. Никто не спрашивает, нравственны ли предложенные Макиавелли новые идеалы; никто не спрашивает даже, осуществимы ли они. Главное, что это — идеалы, в них есть сила, красота, убедительность. Этика подменяется эстетикой.

С Петрарки начинается столь значимая для Макиавелли тема объединения Италии и ревизия «римского мифа». Среди множества мифов, которыми питалась наша культура, одним из самых влиятельных и живучих, вопреки всякой вероятности,

оказался миф о Римской империи. Из школьного курса известно, что Западная Римская империя пала в 476 году. Однако на Западе этот факт заметили лишь спустя восемь столетий. Впервые, понадобилось время для того, чтобы окончательно отделить Западную империю от Восточной, поскольку изначально была единая Римская империя. Лишь в IV веке Константин основал вторую столицу на Босфоре и назвал ее собственным именем, после чего еще полтора столетия единой империей правили императоры из Константинополя, назначая в Рим и в другие центры «вице-императоров». Личные интересы наместников и варварские набеги понемногу отрывали земли от Западной империи, однако новые князья и короли продолжали считать себя (номинально) подданными императора. И жест Одоакра, в 476 году отославшего регалии в Константинополь, подразумевал не крушение империи и даже не выход из нее западных провинций, а лишь уничтожение института «младших императоров» с резиденцией в Риме. Считать себя частью империи при весьма далеком восточном императоре — в целом это всех устраивало. Столицей единой Римской империи продолжал считать себя и Константинополь: в VI веке Юстиниан в своей «восточной половине» издавал свод законов на латыни и готовился отвоевать Италию, а описанные Григорием Турским довольно-таки дикие франки посылали символическую дань в Византию. «Мы христиане, мы граждане Римской империи» — эти два понятия казались тесно связанными, так что когда Константинополь оказался бессилен защитить западных христиан и роль спасителя христианства перешла к французскому королю, совершенно естественно было короновать его императором и восстановить Римскую империю — уже в отрыве от Восточной. Так в 800 году н.э. Карл Великий сделался основателем новой Римской империи, понимавшейся как законное продолжение древней, как «все та же» империя.

И опять же это вполне устраивало итальянские города, которые стремительно богатели, обзаводились флотом и колониями по всему миру, от Африки до Крыма. Принадлежать цельному миру, некоей идеальной империи, и при этом пользоваться свободой, гибкой изобретательностью вольного города — участь поистине завидная. Удивительно ли, что Италия становится матерью гениев?

Но даже столь живучий и жизнотворный миф рухнул. Авиньонское пленение отделило средневековый мир с его довольно устойчивой иерархией от децентрализации Возрождения. Папа покинул Рим, центр лишился смысла — Рим перестал быть столицей империи или столицей Церкви. В Авиньоне, сменяя